

ПРАВО

УДК 347.1

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Быков Д.И.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Статья посвящена комплексному анализу принципа добросовестности и института злоупотребления правом в гражданском праве, раскрывая их теоретико-правовую природу, историческую эволюцию и практическую значимость. На основе сравнительно-правового метода выявлены ключевые подходы к пониманию злоупотребления правом в континентальной и англо-американской традициях, подчеркнута специфика российской доктрины, где злоупотребление трактуется как парадокс формально законного, но социально вредного действия. Особое внимание уделено дискуссиям в науке: интегративной, дуалистической и «зеркальной» теориям соотношения добросовестности и злоупотребления правом, а также проблеме оценочных категорий в контексте их адаптационной и балансирующей функций. Теоретически обоснованы вызовы цифровой эпохи, включая конфликт между алгоритмической формальностью и требованиями справедливости в смарт-контрактах. Практическая значимость работы заключается в предложениях по совершенствованию законодательства: легализация критериев добросовестности, внедрение «этических модулей» в цифровые системы, развитие методологии судебного толкования. Исследование вносит вклад в теорию гражданского права, предлагая синтез догматического и социологического подходов для преодоления пробелов в регулировании.

Ключевые слова: принцип добросовестности, злоупотребление правом, оценочные категории, социальная справедливость, цифровизация права, сравнительно-правовой анализ.

DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-124-129

Принцип добросовестности, закрепленный в статье 1 Гражданского кодекса РФ, является фундаментальным элементом гражданско-правовых отношений. Его суть заключается в требовании к участникам правоотношений действовать честно, ответственно и с учетом интересов других лиц при установлении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей. Данный принцип выступает ключевым инструментом обеспечения баланса между индивидуальной свободой и общественными интересами, что подчеркивает его роль в формировании справедливого правопорядка. Законодатель подчеркивает недопустимость извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения, что отражает социально-этическую направленность гражданского права [7, с. 196]. В российской доктрине добросовестность рассматривается как метапринцип, пронизывающий все стадии правоотношений — от их возникновения до прекращения. Однако отсутствие законодательно закрепленных критериев добросовестности порождает проблемы в правоприменении, особенно в условиях роста злоупотреблений в цифровой среде и корпоративных конфликтах. Например, в спорах о банкротстве суды нередко сталкиваются с искусственным созданием долговых обязательств, что формально соответствует закону, но противоречит духу добросовестности. Это требует не только теоретического осмысления, но и разработки практических механизмов предотвращения злоупотреблений.

Эволюция принципа добросовестности отражает трансформацию правовых систем под влиянием социально-экономических изменений. В римском праве *_bona fides_* применялась преимущественно в договорных отношениях, обеспечивая справедливость при разрешении споров о качестве товаров или сроках исполнения обязательств. Римские юристы разработали концепцию «доброй совести» (*_bona fides_*) как критерия оценки справедливости действий сторон, что позже стало основой для формирования европейских правовых традиций. В эпоху Просвещения И. Кант связал добросовестность с

категорическим императивом, подчеркивая, что правовые нормы должны быть универсальными и не противоречить моральному долгу. Кантовский подход акцентировал этическую составляющую права, что повлияло на интеграцию принципа добросовестности в современные кодификации. В дореволюционной России принцип добросовестности получил развитие в институте приобретательной давности, где владелец имущества, действующий открыто и без умысла нарушить права собственника, мог легализовать свои права. В советский период, несмотря на доминирование классового подхода, С.Н. Братусь отмечал, что добросовестность выполняет функцию «социального амортизатора», смягчая противоречия между плановой экономикой и интересами граждан.

Статья 10 ГК РФ конкретизирует запрет на злоупотребление правом, выделяя его ключевые формы:

1. Действия, направленные исключительно на причинение вреда (шикана). Шикана, как крайняя форма злоупотребления, демонстрирует конфликт между формальной законностью и этической недопустимостью поведения. Пример: подача иска в суд с целью банкротства конкурента без правовых оснований.

2. Обход закона с противоправной целью. Такие действия часто маскируются под легальные схемы, что требует от судов глубокого анализа фактических обстоятельств. Например, использование офшорных компаний для уклонения от налогов.

3. Ограничение конкуренции через злоупотребление доминирующим положением. Яркий пример — дело «Google против ФАС России», где компания была оштрафована за навязывание невыгодных условий производителям Android-устройств.

4. Иные формы заведомо недобросовестного осуществления прав. Сюда относят, например, рейдерские захваты предприятий через поддельные документы.

Интересно, что законодатель не только запрещает злоупотребление, но и устанавливает презумпцию добросовестности (ч. 5 ст. 10 ГК РФ). Это создает парадокс: добросовестность предполагается, но ее нарушение влечет серьезные последствия, включая отказ в судебной защите (ст. 10 ГК РФ) и возмещение убытков (ст. 15, 1064 ГК РФ).

В науке гражданского права отсутствует единство мнений относительно природы злоупотребления правом. В.В. Молчанов трактует его как осуществление права в противоречии с его социальным назначением, что причиняет вред личности, обществу или государству [6, с. 29]. При этом он выделяет два вида злоупотреблений:

- правомерные (легальные) — например, использование права на расторжение договора для давления на контрагента;
- противоправные — такие как мошенничество в корпоративных конфликтах.

О.Н. Бармин акцентирует внимание на причинах злоупотреблений, связывая их с низким уровнем правосознания, пробелами в законодательстве и несовершенством правовых норм [2, с.50]. Например, неопределенность в регулировании криптовалют способствует злоупотреблениям в сфере блокчейн-технологий. Эта позиция подчеркивает необходимость системного подхода к правотворчеству, учитывающего динамику экономических отношений.

Зарубежные подходы также влияют на доктрину. Немецкая школа (К. Ларенц) рассматривает добросовестность как «справедливый баланс интересов», тогда как американская доктрина «чистых рук» делает акцент на процессуальной добросовестности истца. В Японии принцип *_shingi_* (добросовестность) интегрирован в концепцию «гири» — социальной обязанности, что отражает коллективистские ценности общества. Во Франции *_abus de droit_* (злоупотребление правом) признается деликтом, даже если действие формально законно. Этот подход расширяет границы ответственности, ориентируясь на последствия, а не формальное соблюдение норм.

Теория злоупотребления правом сформировалась в XIX веке в рамках критики юридического позитивизма. Если Дж. Остин утверждал, что «право есть повеление суверена», то Р. Иеринг в работе «Борьба за право» обосновал, что осуществление права в противоречии с его социальной целью является антиправовым. Ключевая сложность при

разграничении добросовестности и злоупотребления правом кроется в двойственной природе самой категории добросовестности. Как справедливо отмечает А.С. Шевчук, осуществление права включает:

- объективный критерий — соответствие действий закону и принципам права;
- субъективный критерий — осознание лицом правомерности своих действий [3, с.

187].

Современная теория, вслед за В.П. Грибановым, акцентирует, что злоупотребление правом всегда представляет собой парадокс: формально законное действие превращается в противоправное вследствие нарушения системной связи между правом и его социальным назначением [4, с. 49].

Пример с посадкой дерева, затеняющего соседний участок, иллюстрирует эту дихотомию. Если собственник дерева не осознает причинения вреда, его действия, хотя и нарушающие объективный принцип добросовестности, не могут квалифицироваться как злоупотребление правом. Однако с момента получения информации о вреде (например, через судебный иск) бездействие превращается в осознанное нарушение, что влечет гражданско-правовую ответственность [5, с. 7]. Этот пример демонстрирует, как субъективный фактор (осведомленность) трансформирует правовую оценку поведения.

Данная концепция коррелирует с теорией «ожиданий» (Р. Дворкин), согласно которой участники правоотношений должны действовать в соответствии с нормативно ожидаемым поведением. Однако, как отмечает Д. Кеннеди, в условиях плюрализма ценностей определение «разумных ожиданий» становится проблемой, требующей учета культурного и экономического контекста.

Гражданское законодательство изобилует оценочными понятиями («добросовестность», «разумность», «справедливость»), что, по мнению С.Д. Радченко, обусловлено их многофункциональностью [8, с. 19]. Они выполняют четыре ключевые роли:

1. Формируют основные начала гражданского права.
2. Служат ориентирами для участников правоотношений.
3. Выступают критериями оценки поведения в судебной практике.
4. Оказывают этическое влияние на правовую систему.

Однако отсутствие четких дефиниций создает риски правового нигилизма. Теория «субсидиарности оценочных категорий» (М.И. Брагинский) утверждает, что их применение допустимо лишь при невозможности использования четких критериев, что требует от законодателя минимизировать оценочность через детализацию норм.

Например, в споре по банковской гарантии (пример со справкой об отсутствии средств у принципала) суд сталкивается с необходимостью отличать небрежность от недобросовестности, что требует глубокого анализа обстоятельств дела и мотивов сторон [1, с. 187]. В подобных случаях суды часто прибегают к экспертизе, что увеличивает сроки рассмотрения дел.

В.А. Белов критикует редакцию статьи 10 ГК РФ за излишнюю декларативность, отмечая, что норма не обязывает суд, а лишь позволяет отказать в защите прав при их недобросовестном осуществлении [2, с. 51]. Это создает неравенство в правоприменении: в аналогичных ситуациях суды могут принимать противоположные решения.

В зарубежном праве (например, в § 242 ГГУ Германии) принцип добросовестности («Treu und Glauben») также используется для ограничения злоупотреблений. Однако, как и в России, он остается абстрактным, предоставляя судам широкие дискреционные полномочия. Интересен опыт Франции, где *abus de droit* (злоупотребление правом) признается деликтом, даже если действие формально законно. В США аналогичные функции выполняет доктрина «чистых рук», требующая от истца добросовестности при обращении в суд.

Теория конвергенции правовых систем (Р. Давид) позволяет выделить два подхода к добросовестности:

1. Континентальный (Германия, Франция): добросовестность — императивный принцип, интегрированный в нормы права (§ 242 ГГУ, ст. 1134 ФГК).

2. Англо-американский: добросовестность (*_good faith_*) применяется ограниченно, преимущественно в договорном праве, через прецеденты (например, *_Wood v. Lucy, Lady Duff-Gordon_*).

Интересна позиция японского права, где добросовестность (*_shingi_*) сочетается с концепцией «гири» (социальной обязанности), подчеркивая коллективистские корни принципа.

В науке гражданского права доминируют три подхода к соотношению добросовестности и злоупотребления правом:

1. Интегративная теория (О.С. Иоффе): добросовестность — общий принцип, а злоупотребление правом — его нарушение в конкретных действиях.

2. Дуалистическая теория (Е.А. Суханов): добросовестность регулирует этап реализации прав, тогда как злоупотребление относится к способам их осуществления.

3. Концепция «зеркальности» (В.В. Витрянский): запрет злоупотребления правом является обратной стороной принципа добросовестности, обеспечивая симметрию прав и обязанностей.

Дискуссионным остается вопрос о природе злоупотребления. Представители нормативизма (Г. Кельзен) отрицают его самостоятельность, сводя к пробелам в законодательстве, тогда как социологическая школа (П.А. Сорокин) трактует злоупотребление как конфликт между правовой нормой и социальной практикой.

К общим последствиям злоупотребления правом относятся:

- отказ в защите права (п. 2 ст. 10 ГК РФ). Например, отказ во взыскании долга, если кредитор намеренно ввел должника в заблуждение;
- возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ);
- компенсация морального вреда (ст. 151 ГК РФ), что особенно актуально в спорах с участием граждан.

Теоретической основой для преодоления пробелов служит доктрина «свободного права» (Е. Эрлих), признающая за судами право создавать нормы в процессе толкования. В российской традиции это реализуется через аналогию права (ст. 6 ГК РФ), где добросовестность выступает ориентиром. Однако, как подчеркивает В.Ф. Яковлев, избыточное усмотрение судов подрывает принцип правовой определенности, что требует разработки методологии применения ст. 10 ГК РФ на основе системного и телеологического толкования.

Можно выделить следующие рекомендации по совершенствованию законодательства:

1. Легализация критериев добросовестности. Введение в ГК РФ примерного перечня (учет интересов контрагентов, отсутствие конфликта интересов, прозрачность действий).

2. Создание методических рекомендаций ВС РФ. Обобщение практики по делам о злоупотреблении правом для снижения судебного усмотрения.

3. Внедрение превентивных мер. Обязательность досудебного урегулирования споров в корпоративных конфликтах.

4. Правовое просвещение. Курсы по корпоративной этике для предпринимателей и госслужащих.

Теория «цифровой добросовестности» (Л. Лессиг) акцентирует необходимость адаптации традиционных принципов к условиям алгоритмического регулирования. В контексте смарт-контрактов возникает проблема «криптографической этики»: формальное исполнение кода может противоречить принципу справедливости, если не учитывает скрытые условия (форс-мажор, изменение обстоятельств). Теоретики (К. Верт) предлагают внедрять в алгоритмы «этические модули», оценивающие последствия исполнения контрактов для общественных интересов.

Таким образом, добросовестность и злоупотребление правом образуют систему «сдержек и противовесов» в гражданском праве. Их эффективное взаимодействие зависит как от качества законодательства, так и от правовой культуры общества. Современные вызовы, включая цифровизацию и глобализацию, требуют переосмысления традиционных

подходов. Дальнейшее исследование должно быть направлено на поиск баланса между защитой прав субъектов и предотвращением их эгоистического использования в ущерб публичным интересам. Как отмечал В.П. Грибанов, «право существует не для формального соблюдения, а для достижения социальной справедливости», что особенно актуально в условиях динамично меняющегося правового ландшафта [4, с. 50].

Теоретический анализ принципа добросовестности и злоупотребления правом демонстрирует их роль как «живого права» (Э. Эрлих), связующего формальные нормы с социальной реальностью. Разрешение существующих противоречий требует синтеза догматического, социологического и аксиологического подходов. Перспективным направлением является развитие «динамической теории добросовестности», учитывающей трансформацию общественных отношений в цифровую эпоху. Как отмечал Р. Познер, эффективность права зависит от его способности снижать транзакционные издержки, что невозможно без гармонизации этических и экономических аспектов добросовестности.

Список использованных источников

1. Арановский, К. В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право / К. В. Арановский // Правоведение. — 2003. — № 6. — С. 185–194. — ISSN 0131-8039. — Текст : непосредственный.
2. Белов, В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права / В. А. Белов // Законодательство. — 2008. — № 8. — С. 49–52. — ISSN 0869-4405. — Текст : непосредственный.
3. Вердиян, Г. В. Понятие добросовестности в системе принципов гражданского права и основных начал гражданского законодательства / Г. В. Вердиян // Образование и право. — 2011. — № 9. — С. 186–193. — ISSN 2073-8944. — Текст : непосредственный.
4. Грибанов, В. П. Моральное содержание основных начал гражданского законодательства / В. П. Грибанов // Современное право. — 2014. — № 5. — С. 47–51. — ISSN 0869-4456. — Текст : непосредственный.
5. Егоров, А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы / А. В. Егоров // Legal Insight. — 2013. — № 2. — С. 4–10. — ISSN 2311-9933. — Текст : непосредственный.
6. Молчанов, В. В. Об ответственности в гражданском судопроизводстве / В. В. Молчанов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2010. — № 10. — С. 28–31. — ISSN 2072-8970. — Текст : непосредственный.
7. Радченко, С. Д. Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования / С. Д. Радченко // Вестник Костромского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 195–199. — ISSN 2073-0946. — Текст : непосредственный.
8. Радченко, С. Д. Закон «О Конституционном Суде РФ»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. / С. Д. Радченко // Журнал российского права. — 2011. — № 10. — С. 17–26. — ISSN 1605-6590. — Текст : непосредственный.

Сведения об авторах

Быков Дмитрий Игоревич, аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: wolf7153@yandex.ru

UDC 347.1

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH AND ABUSE OF LAW IN CIVIL LAW: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Bykov D.I.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the principle of good faith and the institution of abuse of law in civil law, revealing their theoretical and legal nature, historical evolution and practical significance. The author explores the dualistic nature of good faith, which combines objective standards of justice and subjective criteria for the legality of behavior, as well as its role as a meta-principle integrating ethical and legal principles. Based on the comparative legal method, key approaches to understanding the abuse of law in the continental and Anglo-American traditions are identified, and the specifics of the Russian doctrine are emphasized, where abuse is interpreted as a paradox of a formally legitimate but socially harmful action. Special attention is paid to the discussions in science: integrative, dualistic and "mirror" theories of the relationship between good faith and abuse of law, as well as the problem of evaluation categories in the context of their adaptive and balancing functions. The challenges of the digital age are theoretically justified, including the conflict between algorithmic formality and the requirements of fairness in smart contracts. The practical significance of the work lies in proposals for improving legislation: legalizing the criteria of good faith, introducing "ethical modules" into digital systems, and developing the methodology of judicial interpretation. The research contributes to the theory of civil law by offering a synthesis of dogmatic and sociological approaches to overcome regulatory gaps.

Keywords: principle of good faith, abuse of law, evaluative categories, social justice, digitalization of law, comparative legal analysis.

References

1. Aranovsky, K. V. Axiology of truth in the Russian worldview and state law / K. V. Aranovsky // Jurisprudence. - 2003. — No. 6. — pp. 185-194. — ISSN 0131-8039. — Text : direct.
2. Belov, V. A. Conscientiousness, reasonableness, justice as principles of civil law / V. A. Belov // Legislation. - 2008. — No. 8. — pp. 49-52. — ISSN 0869-4405. — Text : direct.
3. Verdiyana, G. V. The concept of good faith in the system of principles of civil law and the basic principles of civil legislation / G. V. Verdiyana // Education and Law. - 2011. — No. 9. — pp.186-193. — ISSN 2073-8944. — Text : direct.
4. Griбанov, V. P. The moral content of the basic principles of civil legislation / V. P. Griбанov // Modern law. — 2014. — No. 5. — pp. 47-51. — ISSN 0869-4456. — Text : direct.
5. Egorov, A.V. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform / A.V. Egorov // Legal Insight. — 2013. — № 2. — pp. 4-10. — ISSN 2311-9933. — Text : direct.
6. Molchanov, V. V. On responsibility in civil proceedings / V. V. Molchanov // Arbitration and civil procedure. — 2010. — No. 10. — pp. 28-31. — ISSN 2072-8970. — Text : direct.
7. Radchenko, S. D. The principle of good faith in civil doctrine and judicial practice: problems of interpretation / S. D. Radchenko // Bulletin of Kostroma State University. — 2015. — No. 2. — pp. 195-199. — ISSN 2073-0946. — Text : direct.
8. Radchenko, S. D. The Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": novelties of constitutional court proceedings in 2010 / S. D. Radchenko // Journal of Russian Law. - 2011. — No. 10. — pp. 17-26. — ISSN 1605-6590. — Text : direct.

Author's information

Bykov Dmitry Igorevich - postgraduate student at the Department of Criminal Law, Theory and History of State and Law of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: wolf7153@yandex.ru